

В.А. Стрельников (Москва)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КОМАНДНО-НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА
ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РУССКОЙ АРМИИ
ПО УКРЕПЛЕНИЮ МОРАЛЬНОГО ДУХА ВОЙСК
В ХОДЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
(1877–1878 ГОДЫ)**

ОДНИМ ИЗ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫХ событий второй половины XIX в. явилась русско-турецкая война 1877–1878 гг. как следствие ближневосточного кризиса 1875–1878 гг. и непримиримых противоречий великих держав в восточном вопросе. Все попытки России в ходе дипломатических переговоров решить восточный вопрос не увенчались успехом. Царское правительство решило оказать на Турцию военное давление, провело мобилизацию и направило войска к границе с Румынией.

9 (21) апреля 1877 г. царь прибыл в Кишинев для непосредственного руководства войсками и их моральной поддержки. 12 (24) апреля на поле вблизи Кишинева были собраны для парада войска, расположенные поблизости от него, где был зачитан Манифест об объявлении войны с Турцией. В тот же день в Петербурге канцлер А.М. Горчаков вручил турецкому послу ноту с объявлением войны.

После чтения Манифеста состоялся торжественный молебен, после которого полки прошли церемониальным маршем, император Александр II объехал войска и произнес напутственные слова, вдохновившие офицеров и нижних чинов на успешные боевые действия.

Манифест содержал идеи и положения, близкие сердцу русского народа и солдата. Они были созвучны их думам и мыслям, так как подчеркивали необходимость оказания помощи право-

славным славянам в их борьбе против османских угнетателей, о чем уже давно писала российская пресса. Манифест заканчивался словами: «Исчерпав до конца миролюбие Наше, Мы вынуждены высокомерным упорством Порты приступить к действиям более решительным. Того требуют и чувство справедливости, и чувство собственного нашего достоинства. Турция отказом своим поставляет Нас в необходимость обратиться к силе оружия... Ныне, призывая благословение Божие на доблестные войска Наши, Мы повелели им вступить в пределы Турции»¹. Объявление Турции войны было расценено народными массами России как выступление в защиту освободительной борьбы славян. В стране развернулось широкое движение помощи и сочувствия славянским народам, в армии отмечался патриотический подъем.

Война для России началась в крайне неблагоприятных внутренних и международных условиях. Страна находилась на пути социально-экономических и военных реформ, некоторые из них были еще в незавершенном, промежуточном состоянии, что негативно сказывалось на результатах деятельности министерств и ведомств.

Внутренние проблемы страны усугублялись сложной внешнеполитической обстановкой. В начавшейся войне у России не было ни одного серьезного союзника, на помощь которого она могла бы рассчитывать. Военный министр генерал-адъютант Д.А. Милютин отмечал: «Во всей Европе нет ни одного государства, которое искренне сочувствовало бы решению восточного вопроса в желаемом нами направлении: напротив, все державы по мере возможности стараются противодействовать малейшему нашему успеху, все, однако, опасаются хотя бы только нравственного нашего усилия на Балканском полуострове»².

Патриотизм и активность народных масс проявились в успешном и быстром проведении мобилизации, в добровольческом движении. В донесении, например, из Нижегородской губернии отмечалось: «По словам врачей, осматривавших нижних чинов, не было случая заявления кем-либо о притворной болезни, с полным сознанием долга службы каждый охотно спешил исполнить повеление государя императора»³.

Министр внутренних дел А.Е. Тимашев, докладывая царю о ходе мобилизации в апреле 1877 г., указывал, что, несмот-

ря на весеннюю распутицу, призыв запасных и поставка лошадей «произведены были повсеместно быстро и вполне успешно»⁴. Сочувствие населения к славянам положительно сказалось и на настроении призывников. Так, в политическом обзоре помощника начальника Воронежского губернского жандармского управления Острогожского уезда сообщалось, что «при наборе молодых солдат многие забракованные заявляли желание служить добровольно», а зачисленные на службу просили об отправлении их в армию⁵. При наборе ратников государственного ополчения в августе 1877 г., например, в Туле явилось 125 добровольцев, а в Московском уезде – 34 крестьянина-добровольца⁶. Одобрительное отношение населения к войне благотворно сказалось впоследствии на моральном духе действующей русской армии.

Военное министерство России разработало план быстрой наступательной войны, так как понимало, что затяжные действия не по силам русской экономике и финансам. Согласно этому плану в мае – июне 1877 г. русская армия вступила на территорию Румынии и, пройдя через нее, форсировала Дунай. Русскую Дунайскую армию, насчитывавшую 260 тыс. человек (в дальнейшем доведена до 554 тыс. человек), поддерживали болгарские ополченцы (5 тыс. человек) и румынские регулярные части (58,7 тыс. человек). Против союзных армий находилось около 206 тыс. турецких войск⁷.

Боевые действия развивались в нескольких направлениях силами четырех специально сформированных отрядов: Передового, Восточного (Руцукского), Западного и Нижнедунайского. Основными событиями войны являлись захват и удержание Шипкинского перевала Передовым отрядом под командованием генерал-лейтенанта И.В. Гурко и овладение Плевной Западным отрядом под командованием генерал-лейтенанта Н.П. Криденера. В июле – августе 1877 г. происходили напряженные бои на Шипке, продемонстрировавшие высочайший моральный дух русских солдат. Эти бои вошли в историю как символ мужества и героизма воинов России и Болгарии, их тесного братства по оружию.

Высокий моральный дух русских войск поддерживался благодаря выносливости и терпению русского солдата, готовности его переносить трудности армейской службы и быта, а так-

же целенаправленной воспитательной деятельности военачальников и непосредственных командиров. В боевых условиях эта деятельность строилась как путем разъяснения военно-политической обстановки, целей войны и боевых задач, так и конкретными мерами, делами, способствовавшими формированию у солдат высоких морально-боевых качеств: наступательного порыва, мужества, стойкости, самоотверженности, взаимовыручки и других. В этих целях использовались самые различные формы и методы работы, которые оказывали воздействие не только на сознание солдат, но и на их сердца и чувства. В русской армии наиболее действенным приемом для поддержания высокой сознательности и поведения нижних чинов в боевой обстановке являлся личный пример офицеров и генералов.

Это особенно ярко проявилось в ходе ожесточенных боев вокруг болгарского города Плевна. Так, 8 (20) июля русские войска попытались овладеть этим городом, но атака двумя малочисленными отрядами на сильно укрепленные турецкие позиции проходила несогласованно, без их взаимной связи и необходимых резервов. «И несмотря на это, – как отмечалось в донесении, – доблестные войска все-таки преодолели целый ряд преград и под убийственным огнем отстаивали занятые ими с бою позиции до тех пор пока не получили приказа отступить. Офицеры подавали собой пример самоотвержения; из трех полков 74 офицера выбыло из строя, в том числе 22 пало геройской смертью, а 5 умерло от тяжелых ран. Потеря нижних чинов убитыми и ранеными составила 2771 человек. Недешево обошелся и неприятелю одержанный им успех; по собственному его показанию, потеря доходила до 4000 человек»⁸. Здесь, как и в прошлых войнах, сказались серьезные просчеты командования в ведении разведки, в обеспечении боевого охранения и организации взаимодействия между отрядами, а так же подразделениями различного рода оружия, беспечность и растерянность некоторых командиров.

Окончилась неудачей и последующая попытка русских войск 18 (30) июля овладеть Плевной. Причинами неудачного наступления назывались, в общем-то, те же, что уже были выявлены 8 июля. Командование Западного отряда не вникло в причины первых неудач и не сделало необходимых выводов, что привело к новым людским потерям и упадку моральных сил. Доста-

точно сказать, что только 18 июля потери русских составили 168 офицеров и 7167 нижних чинов. «Вторичное поражение наших войск под Плевной, – отмечал генерального штаба генерал-майор А.Н. Куропаткин, – и огромные понесенные ими при этом потери произвели глубокое впечатление на войска действующей армии»⁹.

Традиционные выносливость и храбрость русского солдата не могли компенсировать просчеты и ошибки командования, недостатки в обмундировании и вооружении войск. Лучшие морально-боевые качества офицеров и нижних чинов нужно было правильно использовать, но нельзя было ими злоупотреблять, на них только рассчитывать. Военный министр Д.А. Милютин, находившийся в свите государя, его предупреждал: «если всегда рассчитывать на одно беспредельное самоотвержение и храбрость русского солдата, то в короткое время можно истребить всю армию»¹⁰.

Глубоко переживая большие потери в русской армии, Д.А. Милютин просил императора Александра II о необходимости внушить начальникам войск «бережливость на русскую кровь». Он считал, что военные действия необходимо вести таким образом, чтобы не подвергать войска напрасным потерям и предложил до подхода резервов отказаться от решительных наступательных действий и перейти к укреплению своих позиций и искусному маневрованию.

Неудачи русских частей под Плевной с искренней болью были встречены в русском обществе, «тяжело отозвались в сердцах всей армии и поколебали уверенность в превосходстве нашем над турками среди частей, принимавших участие в боях под Плевной 8-го и 18-го июля»¹¹.

Настроение в войсках после второго неудачного штурма Плевны было подавленным. Возбужденное состояние и вдохновение сменилось неудовлетворенностью и даже у некоторых недовольством. Причин к этому было немало: естественная реакция после морально-психологического напряжения, физическое утомление, голод, стоны раненых и вид обезображенных трупов, потеря близких, невеселые мысли о прошедших событиях и многое другое вело к духовному угнетению. Особенно это характерно было для молодежи, необстрелянных новичков. Они быстро убеждались, что действительность далеко не похожа на тот поэтический иде-

ал войны, который был создан у них в мирные дни. И стремление испытать себя в опасности, что свойственно было многим офицерам и нижним чинам, не вызывается острой необходимостью. Начиналось разочарование и переоценка ценностей.

К счастью, подобные мысли и реакция на происходящие события проходили быстро. Несколько часов отдыха, хороший обед, ласковое солнце и уверенный, с воспитательным оттенком, тон начальников делали свое дело – сердце снова успокаивалось и на душе становилось веселее, спокойнее.

Однако после поражения в армии начался вредный разговор о превосходстве турецких ружей, турецких орудий, о лучшем их довольствии, о бездействии интендантства и т. п. Многие критические замечания были вполне справедливыми.

Например, 92 русских орудия под Ловчей почти до самого конца боя не могли заставить замолчать пять турецких орудий, которые действовали безнаказанно ввиду их недосягаемости. Безнаказанность турецкого огня приводила не только к дополнительным людским потерям, но еще больший вред она приносила этим моральному духу воинов, «действовала дурно нравственно на войска, посеяла недоверие к нашей артиллерии, как среди пехоты, так и среди самой артиллерии...»¹².

Лучше был вооружен и турецкий стрелок, который имел при себе более 500 патронов и щедро их расходовал. В русской же армии в силу консервативных взглядов генералитета на роль ружейного огня в бою расходование патронов всячески ограничивалось. Солдаты, израсходовавшие в бою все патроны, подвергались наказанию.

Так, генерал М. Драгомиров, командовавший 14-й пехотной дивизией, издал приказ, в котором потребовал, чтобы солдаты больше кололи противника штыком и меньше стреляли, а если у кого из солдат после боя окажется меньше 30 патронов из 60, то будет наказан. Все это приводило к тому, что на массированный огонь противника русские войска отвечали редкими выстрелами. Как писали современники, атаки на турецкие укрепления русские войска производили «под адским огнем турок, производившим впечатление града с ливнем, бьющего в железную крышу». В то же время в ходе 9-часового боя 19 августа Суздальский и Углицкий полки израсходовали на каждую винтовку соответственно по 17 и 20 патронов.

Немало было проблем и трудностей с обеспечением продуктами питания и медицинской помощью, что также негативно сказывалось на морально-психологическом состоянии войск. Хотя были примеры и другого порядка. Так, в отряде генерала М.Д. Скобелева горячую пищу в котлах привозили на передовую позицию и раздавали не только под артиллерийским, но и ружейным огнем. Забота о питании и отдыхе воинов была важнейшей задачей многих командиров в отряде Скобелева в период подготовки и в ходе боя.

Еще один пример, говорящий о многом. Накануне трудного перехода по ужасной дороге и при сильной жаре М.Д. Скобелев собрал при отряде 46 подвод для перевозки ранцев, шинелей и выбившихся из сил людей, что помогло им преодолеть трудности похода и сохранить бодрость духа.

Надо сказать, что в ходе этой войны в войсках генерал-майора М.Д. Скобелева воспитательная работа по поддержанию высокого морального духа была особенно хорошо поставлена. Он придавал исключительно большое значение моральному фактору и требовал того же от офицеров. В одном из своих приказов, подчеркивая важность поддержания высокого морального духа в войсках, он отмечал: «Внимание гг. офицеров должно быть обращено на поддержание нравственного элемента в части, этого труднообъяснимого понятия, называемого духом части, как на походе, так и в бою»¹³. И далее в заключительной части этого приказа он еще раз напомнил офицерам: «Влияние на нравственную сторону лиц и частей, в военном деле, должно стоять на первом плане»¹⁴.

М.Д. Скобелев для укрепления воинского духа широко использовал такие приемы и средства, как личный пример бесстрашия, наступление частей с развернутыми боевыми знаменами и барабанным боем, поддержание образцового порядка и высокой требовательности в войсках, использование песни, веселья и прибауток для поднятия настроения у уставших солдат, усиление заботы о людях в сложных условиях, поощрение отличившихся, постановка в передние шеренги более сильных в физическом и моральном отношении воинов, богослужение перед всяким ответственным делом, яркое, зажигательное выступление с обращением к сердцу и чувствам русского солдата и другие, порой неординарные приемы.

Примечателен в этом плане пример с необстрелянными солдатами одного из батальонов Эстляндского полка. Попав под выстрелы турок, солдаты без команды побежали за дома, прячась от пуль. Генерал Скобелев, видя все это, чтобы дать урок солдатам приказал выстроить батальон на открытой местности фронтом в сторону неприятеля и, побранив подчиненных за беспорядок, велел проделать ружейные приемы под огнем турок. Добившись желаемого спокойствия батальона, Скобелев приказал ему дальше выполнять поставленную задачу.

Большую роль в поддержании морального духа войск играла тесная духовная связь действующей армии с ее главнокомандующим, со старшими военачальниками, их авторитет в войсках. К счастью, во время этой войны в войсках было немало начальников различного уровня, пользовавшихся большой популярностью. В отряде генерал-лейтенанта Ф.Ф. Радецкого, например, высокий авторитет имел сам начальник отряда Радецкий, который жил в таких же трудных условиях, как и весь отряд. «Шипка, – отмечал М. Газенкамф, – наполовину держится обаянием его личности»¹⁵. Во 2-й гвардейской пехотной дивизии офицеры «с восторгом отзывались также о храбрости и самоотвержении командовавшего дивизией генерал-адъютанта графа П.А. Шувалова»¹⁶.

Большим авторитетом еще с Крымской войны (1853–1856 гг.) во всей действующей армии пользовался генерал Э.И. Тотлебен. «На Тотлебена, отмечал М. Газенкамф, – войска смотрят с благоговением. Всякий солдат понимает, что это генерал настоящий, мастер своего дела. Держит он себя превосходно: с солдатам – приветлив и заботлив; с генералами и офицерами – деликатен и обходителен, но строго требователен»¹⁷.

В 20-х числах августа командование провело перегруппировку сил и средств русских войск под Плевной, полки получили подкрепление, пополнились боеприпасами, интендантство приняло меры к улучшению снабжения. Пришли сообщения об удачном сражении под Полишатом и о взятии штурмом Ловчи. «Дух войск был прекрасный, – отмечал участник событий, – все от генерала до последнего солдата чувствовали, что Плевну надо сломить во что бы то ни стало»¹⁸.

В конце августа начался новый, третий штурм Плевны, который, несмотря на исключительное мужество и героизм штур-

мовавших, завершился 30 августа (11 сентября), как и первые два, неудачей. События этих дней наполнены множеством примеров бесстрашия как офицеров, так и нижних чинов, как опытных бойцов, так и молодых. С самой лучшей стороны проявили себя в бою отдельные воины и целые части. Некоторые начальники в своих донесениях отмечали, что порой было просто трудно выделить отличившихся, так как все действовали храбро и упорно.

Большую роль в сохранении душевного равновесия воинов всегда играли активные и эффективные действия своей артиллерии. Ее огонь как в наступлении, так и в обороне вселял уверенность у пехоты и кавалерии, придавал им силы в достижении успеха. В то же время даже непродолжительное замешательство с открытием огня, а тем более смена позиций вглубь обороны негативно отражались на моральном состоянии и стойкости оборонявшихся или наступавших в ходе атаки. Несомненно, писал А.Н. Куропаткин, «что отступление в подобную минуту артиллерии действует всегда удручающим образом на обороняющихся, подрывая окончательно веру в успех, а вместе с тем существенно ослабляя нравственную силу, сдерживающую бойцов на позиции, в виду наступающих даже превосходных сил»¹⁹.

Одной из причин неудачных действий русских войск под Плевной являлось слабое руководство артиллерией и невыполнение ею поставленных задач. Наибольшее «нравственное потрясение» турок русская артиллерия произвела 26 августа, когда был одновременно открыт огонь из 150 орудий. В дальнейшем предполагалось, наращивая огонь до атаки Плевны, добиться «разрушения преград, нравственного истомления и материальной дезорганизации обороняющегося»²⁰. Однако этого не произошло, и цель не была достигнута, «продолжительная артиллерийская подготовка атаки на плевенский укрепленный лагерь не дала ожидаемых результатов»²¹.

На моральное состояние войск, успех боя влияло и то, что ружья Крнка, которыми была вооружена большая часть пехоты, нередко отказывали при стрельбе, давали осечки, вызывали немало нареканий. Поэтому при первом случае солдаты эти ружья бросали и вооружались берданками или турецкими ружьями. Кроме того, разнотипность ружей приводила к тому, что иногда подвозили патроны в роту в ходе боя не к той системе, и в ноч-

ных условиях патронные ящики к разным ружьям было сложно отличить. Все это не только нервировало солдат, но и вело к поражению.

Существенное влияние на уровень людских потерь и моральный дух оказывала степень инженерного оборудования позиций и окапывания солдат. В турецких войсках это широко практиковалось. В русских же войсках ввиду катастрофической нехватки шанцевого инструмента солдаты рыли землю крышками от манерок, ковыряли ее штыками, выгребали руками, поэтому объем инженерного оборудования был небольшим. Значительная часть шанцевого инструмента была утеряна в ходе предыдущих боев и маршей, теперь же, в ходе подготовки к третьему штурму Плевны, его недостаток чувствовался особенно остро, а это приводило к дополнительной трате сил, утомляемости людей, что отрицательно сказывалось на их морально-психологическом состоянии, боеспособности.

Утомляемость солдат отряда накануне штурма Плевны была так сильна, что многие засыпали стоя, или опускаясь на мокрую землю. Многие не спали по двое суток, а некоторые по трое, часть же нижних чинов Эстляндского полка – четверо суток. Офицерам стоило больших трудов поддерживать определенную готовность к отражению атак турок, для этого использовались построения в шеренги, выполнение ружейных приемов и т. п.

Сильное угнетающее впечатление производили на войска сотни сотен раненых, ползущих с разных сторон, обливаясь кровью с перебитыми и оторванными частями тела и требовавшими помощи санитаров, а также многочисленные трупы русских, часто вперемешку с турецкими, солдат. Эта картина приобретала особенно удручающий вид, если трупы не убирали несколько дней, на жаре они раздувались, разлагались, заражая воздух терпким запахом. Подобная перспектива не оставит равнодушным даже самых сильных духом. Хотя, как ни странно, на войне привыкают ко всему и даже к близкой смерти.

Но есть предел силам и у самых храбрых войск, особенно если они несут большие потери. В ходе штурма Плевны 30 августа (11 сентября) русские войска активно и героически вели боевые действия против турок, захватили несколько редутов, но затем были остановлены и отброшены. Полки, особенно на центральном направлении, понесли значительные потери, в частнос-

ти Углицкий, Казанский, Шуйский и Ярославский в среднем по 46 % офицеров и 34 % нижних чинов²².

В этих смертельно опасных условиях нашлись и те, кто смалодушничал, трусил, уклонился от боя. Эти, как их называли, подонки отряда лежали, притаившись в различных ямках, рвах или ушли далеко в тыл. Но таких были единицы, основная масса воинов героически сражалась и безропотно умирала. Общие потери 105 батальонов пехоты Западного отряда армии за 30 и 31 августа составили 14 тыс. человек или 20 %²³.

Однако, несмотря на высокий процент потерь нижних чинов и офицеров, «дух солдат оставался высоким», о чем свидетельствовали донесения из полков. Так, в донесении Владимирского полка указывалось, что «бывших в деле 30-го августа раненых и контуженных осталось во фронте 77 человек, из коих 27 человек помимо их желания остаться во фронте, после осмотра их сего числа старшим врачом, подлежат отправлению в госпиталь»²⁴. Точно также в Суздальском полку 39 раненых и контуженных добровольно остались в строю.

По итогам боев М.Д. Скобелев в рапорте начальнику Западного отряда указывал: «В бою 30-го и 31-го августа вверенные мне войска блистательно еще раз доказали присущую нашей армии храбрость и непоколебимую стойкость. Господа офицеры и солдаты, воодушевленные присутствием на поле сражения своего государя, сделали все, что от них зависело, чтобы вырвать у неприятеля победу»²⁵.

В последующем, в этой войне произошло еще несколько крупных успешных сражений, в которых русские войска также продемонстрировали высочайшее мужество и героизм. Значительную роль в обеспечении боеспособности войск, сохранении у них высокого морального духа сыграли активность и высокие профессиональные качества многих командиров и начальников, их внимание к подчиненным и забота о них. Так, после успешных сражений военачальники встречались с офицерами, поздравляли войска с выполнением задачи, посещали в госпиталях и на перевязочных пунктах раненых и больных, благодарили их за самоотверженность и решительные действия, здесь же нередко вручали награды. Командиры принимали меры к восстановлению боеспособности полков и батальонов, к пополнению их запасами, в меру возможности давали отдых выведенным из

боя подразделениям. Например, в октябре 1877 г. после взятия Горного Дубняка главнокомандующий великий князь Николай Николаевич по пути к месту сражения побывал на перевязочном пункте лейб-гвардии Московского полка, поинтересовался о потерях среди нижних чинов и офицерского состава, дал указания о представлении наиболее отличившихся к наградам. По общему мнению командования полков, героем дня являлся командир лейб-гвардии Гренадерского полка флигель-адъютант полковник Ю.В. Любовицкий, который внес основной вклад в успех взятия турецкого редута, оказавшего ожесточенное сопротивление.

По-прежнему очень сильное влияние на укрепление морального духа войск оказывал генерал М.Д. Скобелев. Например, во время осады Плевны М. Газенкампф в своем дневнике за 30 октября 1877 г. записал, что Скобелев с Куропаткиным переселились «на самую передовую позицию: в траншее живут, обедают и спят»²⁶. Подобные примеры позитивно сказывались на боеспособности войск, их стойкости и моральном духе. В частности, в крупном Шипко-Шейновском сражении (январь 1878 г.) русские войска взяли в плен 22 тыс. турок, в том числе 765 офицеров и более 1000 человек вывели из строя. Однако и потери русских превысили 5 тыс. человек²⁷.

После этого сражения турецкие войска были деморализованы и начали отступать, не оказывая серьезного сопротивления. Потерпев полное военное поражение, Турция призвала Россию к мирным переговорам. 19 февраля (3 марта) 1878 г. в Сан-Стефано Россия и Турция заключили мирный договор.

Таким образом, несмотря на ряд неудач в ходе русско-турецкой (1877–1878 гг.) войны в силу серьезных просчетов высшего армейского руководства, упущений в обучении офицеров и слабой тактической подготовки войск, русские полки в боевых условиях проявили высокий моральный дух, крепкую войсковую спайку и взаимовыручку, презрение к опасности и неустранимость. Высокие морально-боевые качества русских войск были достигнуты благодаря напряженной работе командиров подразделений по обучению подчиненных, личной примерности офицерского состава в боевой обстановке, использованию военных и социальных факторов, позитивно влиявших на укрепление воинского духа, а также проведению активной воспитательной работы.

Современная военно-политическая обстановка на Ближнем Востоке и юго-западных рубежах России показывает, что опыт боевых действий русской армии в русско-турецкой войне (1877–1878 гг.) не потерял своего значения и может быть использован в ходе боевой и тактической подготовки Российской армии.

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. LII. № 57155. С. 371.

² Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М., 2005. С. 228.

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 52. Ед. хр. 25. Л. 32.

⁴ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сборник документов. Т. 2. М., 1964. С. 51.

⁵ Там же. С. 400.

⁶ Хевролина В.М. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и общественное движение в России // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 23.

⁷ Ростунов И. Освобождение Болгарии от османского ига // Воен. истор. журнал. 1978. № 3. С. 66.

⁸ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. СПб., 1898. Вып. 3. С. 36.

⁹ Куропаткин А.Н. Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–78 годов. Ловча и Плевна. СПб., 1885. С. 14.

¹⁰ Осипова М.Н. Великий русский реформатор... С. 239.

¹¹ Куропаткин А.Н. Действия отрядов генерала Скобелева... С. 227.

¹² Там же. С. 213.

¹³ О долге и чести воинской в Российской армии. Сборник материалов, документов и статей / Под ред. В.Н. Лобова. М., 1991. С. 185.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Газенкамф М. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. Т. 3. С. 468.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 481.

¹⁸ Куропаткин А.Н. Действия отрядов генерала Скобелева... С. 255.

¹⁹ Там же. С. 217.

²⁰ Там же. С. 374.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 422.

²³ Там же. С. 524.

²⁴ Там же. С. 525.

²⁵ Там же. С. 564.

²⁶ Газенкамф М. Мой дневник 1877–1878 гг. С. 487.

²⁷ Беляев Н.В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 364.